Источники и литература

1. Ходасевич В. Ф. "Жребий Пушкина", статья о. С. Н. Булгакова // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. – М.: Книга, 1990.
2. Лотман. Ю.М. "Семиосфера", Искусство – СПб, 2000; см. также: Лотман Ю.М. Семиотическое пространство // Лотман Ю.И. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. – М., 1996
3. Юнг К.Г.Очерки по аналитической психологии.– Минск, 2003.
4. Синицын Е.С., Синицына Е.С. Тайна творчества гениев. Изд. НГАХА.– Новосибирск, 2004.

Шаповал В.Н.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ ОТТАЛКИВАЕМОСТЬ СВОБОДЫ

Феномен свободы всегда глубоко волновал как специалистов-теоретиков, исследующих её истоки и тенденции развития, так и обычных граждан, остро чувствующих любые социальные ограничения их личной независимости. Диапазон отношения к свободе как к явлению внешнего мира колеблется от фанатичной преданности ей и стремления добиться её, невзирая на самую высокую цену, до категорического неприятия, «бегства от свободы». Несмотря на длительную традицию изучения, эта проблема продолжает оставаться крайне трудной и неоднозначной, вызывает множество вопросов и противоречивых суждений. Возможно, это обусловлено не столько методологическими предпочтениями исследователей, сколько тем, что сама природа исследуемого объекта как будто бы ведет к тому, что он всё время ускользает, и все изыскания в этой области приводят только к умножению подходов и интерпретаций.

В истории философии по поводу рассматриваемой проблемы были выдвинуты самые разные теоретические толкования, которые отличались прямо противоположным содержанием. Еще больше в отношении свободы было изобретено мифов, которые были направлены на то, чтобы либо отстаивать, либо опровергать идеи, прямо или косвенно связанные с ней.

Со времен Аристотеля в философии бытует мнение, что поскольку человек обладает свободой воли, то целиком в его силах всегда и везде сделать либо так, либо противоположным образом, и только от его воли зависит выбор какой–либо из имеющихся альтернатив. В эпоху средневековья центром мировоззрения подавляющего большинства людей была идея об абсолютном существе – Боге, который выступал выражением абсолютного могущества, благости, ничем не ограниченной свободы воли. Человек рассматривался как творение Божье, как существо, созданное по образу и подобию Господа, откуда следовало, что он также обладает свободой воли. Поскольку силы человека не идут ни в какое сравнение со всемогуществом Бога, они крайне ограничены, то и его свобода может считаться слабой тенью свободы Творца, несущей, однако, в себе многие качества божественного первоисточника.

В XVIII – XIX вв., когда мир вступил в эпоху бурного развития позитивной науки, всё более широкое распространение получает та мысль, что абсолютного существа в действительности не существует, что это лишь плод человеческого воображения. Возможно, эта идея имеет важное социальное и ментальное значение, но, как об объективно сущем, о Боге говорить не приходится. Обосновывалась та точка зрения, что Бог – это результат экстраполяции в бесконечную перспективу собственных свойств и качеств человека в их превосходной степени. С этой точки зрения, Бог суть лишь одна из схем интерпретации и адаптации к внешним обстоятельствам, которая работала до определенного времени, но затем перестала выполнять свою конструктивную функцию. Поскольку какое бы то ни было влияние Бога на мир и всё присутствующее в нем отрицались, существенным трасформациям подверглись представления о человеческой свободе.

Если исходить из того, что абсолютное существо – это лишь плод человеческого воображения, если, по словам Ницше, «бог умер», то отсюда возникает следующая дилемма: либо действовать согласно стратегии «если бога нет, то всё позволено», ибо единственным носителем абсолютной свободы при отсутствии бога становится сам человек; либо никакой свободы, ни в ее относительном, ни в ее абсолютном выражении не существует, и нужно только, как утверждают материалисты, познавать объективные закономерности мира и следовать им.

Практика XX столетия показывает, что установка на то, что «всё позволено», приводит к катастрофическим последствиям. Революции, локальные и мировые войны, периодические впадения человечества в варварство и тотальное истребление себе подобных и живой природы планеты – тому подтверждение. В таком случае справедливым, возможно, следует считать положение, выдвинутое Спинозой, согласно которому свободой следует назвать способность существовать исключительно в силу внутренней и внешней необходимости. Но при таком подходе возникают свои противоречия и парадоксы. Камень, а равно и любой другой неорганический объект или природная стихия, существующие в соответствии со своей внутренней природой, оказываются более свободными, чем человек, обладающий разумом, способный ставить и добиваться целей, пытающийся разрешить саму проблему свободы воли. Будучи не в состоянии до конца понять свою собственную природу как собственную сущность, которая пребывает в постоянных изменениях, открывается новыми, неожиданными гранями, человек, согласно подобной логике, никогда не разрешит проблему собственной свободы.

В первом приближении свободу отождествляют с независимостью, с отсутствием ограничений каким–либо проявлениям человеческой активности или, если брать шире, каких бы то ни было препятствий всевозможным формам проявления всякого объекта. Абсолютная свобода в этом плане – это такое гипотетическое состояние, которое характеризуется *полным отсутствием* каких бы то ни было рамок и ограничений.

Однако мнение о том, что свобода допустима как абсолютная свобода, лишенная каких бы то ни было рамок и границ, следует признать уязвимым с многих позиций. Такая свобода равносильна экстраполяции ко-

нечного в бесконечность, распылению того, что состоит из конечного числа составных элементов и имеет конечное число альтернатив в бесконечном поле возможностей. Существует множество сторонников той точки зрения, что, применительно к человеку, утверждения об абсолютной свободе лишены какого бы то ни было смысла. Действительно, казалось бы, у человека, как существа во всех отношениях ограниченного и конечного, нет никаких оснований сверять свои мысли и поступки с неким абсолютным существом. С другой стороны, если свобода в её абсолютном выражении – это не более чем заблуждение и иллюзия, то откуда тогда у человека эта неистребимая потребность в подобных иллюзиях, потребность в поиске абсолютов?

Трансцендентальная свобода, связанная с поиском абсолютных смыслов, много раз подвергалась серьезной критике и, казалось бы, теоретически полностью разоблачена. В эпоху господства рыночной экономики и либеральной демократии, расцвета положительной науки и плюралистической философии преобладают мнения, что свобода может существовать только в антропологическом измерении. Более того – что она имеет смысл только в том случае, если приобретёт определенные институциональные формы, следовательно, о ней всерьез можно говорить только в политическом и правовом контексте.

Политико–правовые аспекты свободы, в частности, идеи либерализма, получившие широкую поддержку интеллектуалов и демократических слоев общества, широко разрабатывались в философской и политической литературе. Согласно им, существуют определенные границы, которые не смеют нарушать никакие внешние силы, в первую очередь, государственная власть. Внутри этих границ каждый индивид может считать себя относительно свободным. В этом пространстве допускается любая свобода мнений и действий, дающая реальные возможности для разворачивания внутренних потенций каждого индивида, с той лишь оговоркой, чтобы они не противоречили общепринятым нормам морали и права.

Однако если подходить к вопросу даже с логической точки зрения, то свобода, обставленная таким значительным частоколом ограничений, с очень большими оговорками может быть названа свободой. То, что изначально считалось полным, абсолютным отсутствием ограничений, превратилось в узкий, огороженный со всех сторон участок, бродя по которому и натыкаясь всякий раз на стены, тому, кто находится внутри стен, предлагается считать себя свободными. Не только внутренний дух протеста, но и сама социальная практика показывает, что политическая и правовая свобода никогда в полной мере не удовлетворяли человека. Как существо во всех смыслах незавершенное, он всегда стремился преодолеть все пределы и границы. Метафизика свободы, казалось бы, изгнанная за пределы серьезной философии, вновь явственно стучит в двери, призывается на помощь для решения важнейших проблем поиска человеческих смыслов.

Существуют различные схемы интерпретации и, шире, ориентации в мире. Существуют различные «путеводители по жизни». Божество или божества – это достаточно сильный, испытанный и проверенный «путеводитель». Наука также может служить этой цели. Разница лишь в том, что рациональное знание с его вечным скепсисом и стремлением «выйти за…» требует особого состояния ума и тренировки мышления, в результате которой вырабатываются особые ориентационные и адаптационные приемы и принципы. Ум ученого является «путеводителем по жизни» несколько иного рода, нежели душа верующего человека. (Хотя в некоторых случаях эти вещи причудливым образом сочетаются). Наука по самому своему назначению призвана ничего не абсолютизировать, всё подвергать сомнению, для всего требовать обоснования. Она исходит из фактов и выводит из них общие закономерности, стремится единичное свести к всеобщему. Но человеку свойственно, во–первых, искать что–то твердое и неизменное в окружающем океане изменчивости, а во–вторых, его гнетет осколочность, фрагментарность бытия, он желает целостности, в которой бы он занимал свое, органически присущее ему место. Наука не в состоянии помочь ему в этом, ее возможности слабее тех, которые дает искренняя религиозная вера. Однако такую же целостность восприятия и отношения к сущему дает и философия.

Когда свобода рассматривается применительно к человеку, то здесь традиционно говорят о свободе действий и о свободе его мышления. В своих действиях человек постоянно и повсеместно наталкивается на всяческие препятствия и границы как природного, так и социального свойства, а значит, говорить о свободе здесь можно весьма и весьма условно. Будучи существенно ограниченным в своих практических действиях, на ментальном уровне человеческий индивид может ощущать себя гораздо более свободным. Иные самоуверенно полагают, что в духовной области они абсолютно свободны. Индивид может изобретать любые возможные миры, любые мифы, его мысль, казалось бы, способна совершать беспрепятственные перемещения в бесконечном пространстве и времени. Однако при более близком рассмотрении выясняется, что, так же как и в действиях, в человеческом мышлении имеются существенные ограничения. Мышление, как и все процессы, имеющие место в сущем, подчиняется определенным закономерностям, оно протекает в рамках определенных социальных и ментальных схем, а следовательно, вряд ли может быть названо в полной мере свободным.

Возникает закономерный вопрос: следует ли ограничиваться только антропологическим измерением свободы? Можно ли допустить более широкий круг рассмотрения и допустить, что свобода есть некое универсальное качество, которое может быть отнесено к миру в целом? Тогда радикально меняются складывавшиеся на протяжении многовековой традиции исследований представления о свободе как о свободе воли, как о тривиальном выборе между двумя или более альтернативами. В таком случае, какое содержание следует вкладывать в это понятие?

Весь опыт человеческой жизнедеятельности и человеческого познания показывает, что мир – это не хаос бессвязных единичностей, в нем присутствует определенный порядок, некая общая логика, поддерживающая его единство и связность. Происходящее в универсуме, насколько это подтверждается современной наукой и философией, не может не подчиняться определенным объективным связям, не может не протекать по определенным правилам и законам. Каждая вещь и каждый процесс, как и весь мир в целом, имеют свою природу и свою логику развития. Другое дело, что далеко не каждая вещь в полной мере реализует свою природу в пространстве и во времени. Скорее наоборот, большинство вещей демонстрирует как раз обратное, их существо-

вание не дорастает до их сущности. Они находятся как бы в состоянии вечного приближения к заданной цели, постоянного странничества, но погибают, не достигая ее. Если предположить, что свобода – это существование в соответствии со своей внутренней природой, соединение существования и сущности, то относительно большинства вещей можно сказать, что они весьма далеки от подлинной свободы, они тотально несвободны.

Высказывая предположение, что свобода не исчерпывается своим человеческим измерением, что она в той или иной форме присутствует в самом мире, считая, что это есть такое состояние, которое, в силу своей внутренней природы, вплетено в общую ткань универсума, мы рискуем оказаться в положении, когда объект исследования превращается в свою противоположность, как бы аннигилирует сам себя. Европейская философская традиция исследования рассматриваемой проблемы, получившая определенную завершенность в философии Канта, исходила из того, что если природе присуща необходимость, то человеческое существование происходит под сенью свободы. «Трансцендентальный субъект» Канта сменяется социальной личностью, созидающей условия своего существования К. Маркса и М. Вебера, а затем коммуницирующим субъектом Э. Левинаса и Ю. Хабермаса, но мало что изменилось в данной фундаментальной установке. Между тем, хотя европейский тип жизнедеятельности и европейские ментальные схемы имеют достаточно широкое влияние, познавательные практики и, шире, человеческая культура не исчерпывается только ими. Не менее сильная и не менее древняя восточная философская традиция показывает несколько иные подходы в понимании и практике свободы. Не противопоставление человека миру, а включенность в него всегда были господствующим представлением в Древней Индии и Древнем Китае. Идеи диалога с природой, возникшие в последние десятилетия в европейском философском и общественно-политическом дискурсе, обусловленные тотальным экологическим кризисом, охватившем нашу планету, отнюдь не новы для Восточной философии. Если так, то, отказавшись от порочной идеи своеволия, следует обратиться к тому аспекту проблемы, который предполагает, что в самом мире следует искать истоки человеческой свободы.

С этой точки зрения, свобода – это, скорее всего, не цель, а путь; не состояние, а процесс. Процесс, который в своем предельном выражении позволяет соединиться сущности и существованию, полностью развернуться внутренней природе конкретного объекта и человека, в том числе. Выделять здесь человека в качестве особого существа, которое, как считают многие, способно не только реализовываться, но и *самореализовываться*, не только развиваться, но и *саморазвиваться*, разумеется, необходимо. Однако, с точки зрения метафизики свободы, более важным является не показывать эту специфику, а направить усилия на поиски предельных оснований бытия исследуемого объекта. Свобода, в этом контексте, есть и необходимое условие для достижения цели, и сам процесс этого достижения. Целью же для любого объекта, целью в ее предельном, абсолютном выражении является полное разворачивание его внутренних возможностей и потенций. Именно в этом смысле, а не в мнимой независимости от каузальных связей внешнего мира, можно говорить об абсолютности Свободы. Первостепенное значение здесь приобретает вопрос о том, в чём будет состоять внутренняя природа всякого конкретного объекта. Только в том случае, если эта природа получит практическую реализацию, объект осуществится как данный объект. И только в этом случае можно будет говорить о подлинной свободе.

Источники и литература

1. Бауман З. Свобода / Пер. с англ. – М.: Новое изд-во, 2006. – 132 с.
2. Кант И. Метафизика нравов / Кант И. Соч. в 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. – Ч.2.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Пер. с нем. – М.: Interbook. 1990. – 301 с.
4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. – М.: Весь мир, 2003. – 416 с.